

Трилогия 1
Книга 2: МУДАКИ
1992-1993
Издание 1: 1994
Корректор: Софа Зини
Издание 2: 2003
Редакторы: Зеэв Зорах, Залман-Симха Левин

С помощью Всевышнего.
С благодарностью Учителям.
Призрак бродит – призрак миризма! (М.Б.)

Я тоже думал, что это слово матерное, но это иврит, а в святом языке святого Закона для святого народа от Святого Всевышнего не может быть матерного, потому что, например, «...твою мать» – запрещено святому народу: запрещено её и её мать и запрещено чью-то мать вообще, если она ещё и чья-то жена.

Но если это, как думают некоторые, матерное, то, следовательно, и не иврит, – но это просто не может быть, потому что еврей не употребит матерное, чтобы не покраснеть, а это слово обиходное у евреев, и не может быть у него трёхбуквенного перевода.

Наши замечательные времена перед приходом Машиаха – отхода от святого народа отдельными массами, несоблюдения святого Закона отдельными массами, неслужения Святому Всевышнему отдельными массами – эти чудесные времена предсказаны святым Законом и святыми пророками. Эти времена чудесны своей неизбежностью, когда еврей станет советским человеком, – это в советской терминологии, а если говорить по-простому, по-народному – мудаком, а управлять им будет эрев рав – это на иврите, а по-русски – сброд, а в советской терминологии – евсекция, а по-народному, по-простому – мудаки.

1

Я вырос в районе Тишинских и Грузинских улиц и Белорусского вокзала, в огромном доме, в котором все когда-то сидели или будут сидеть, в двухкомнатной коммуналке, где одна комната была наша, а в другой – соседи: отец-мать и два сорванца моего возраста.

Сорванцы вместе всем двором, всей хеврой играли: подбросить кирпич в кастрюлю на примусе в соседнем доме, где сплошные коридоры, и лететь всей оравой – последнего могут догнать и отметелить; связать верёвкой две противоположные двери и позвонить в обе; подбросить на тротуар толстый кошелёк, полный говна; ночью во дворе натянуть колючую проволоку на уровне глаз; подвесить над окном тюкалку на невидимой ниточке и дергать издали, пока не выйдет какой-нибудь хмырь болотный, почесывая

озабоченно плешь; и ещё всякие хохмы.

Когда сорванцы чуть подросли, стали показывать своё умение: отдавали мне мой ксив, а точнее ктив, то есть документы, и всякую мелочь, а я, удивлённый, хватался за пустые карманы, а они весело ржали.

Младший сорванец был влюблен в целочку Мурку, и когда её поставили «на хор», на чердаке, бился головой о балки чердака и плакал, а потом подошла его очередь.

Старший сорванец ходил, сутулясь, как боксёр на ринге, нервно наматывал резиновый бинт на ладони, как перед боем, и сразу сматывал. Не раз спрашивал: «А правда, евреи помогают друг другу? А правда, у евреев семья крепкая?» Огрел кого-то урной, тот и умер.

В семье соседей старшие сели, когда я пошёл в младшие классы; когда я пошёл в средние классы, старшие вышли, но сели младшие, но, как малолетки, ненадолго; поэтому, когда я пошёл в старшие классы, младшие пошли снова, а старшие снова вышли, потому что была большая амнистия, но снова вошли, и младшие снова вышли, потому что была малая амнистия, но снова вошли, а старшие вышли.

Всё время кто-то входил или выходил. Входная дверь постоянно открывалась и закрывалась, но не на замок, – он мешал, и его выбили, да он и не нужен был, на кухне ничего не пропадало, в малине был полный порядок, за стеной брэнчала гитара «В тёмном переулке», маленькие кепочки с козырьками в два пальца тихо входили и выходили, вежливо здоровались и прощались.

Иногда гитара обрывалась резко, тряслись стены, звенела битая посуда, визжали девочки. Мы закрывались на ключ.

Улица кишела шпаной, блатняком, гогами-магогами. В тёмном переулке к прохожему подходил плачущий малолетка, тёр глаза, прохожий склонялся над ним, а из тёмной подворотни хриплый голос: «Маленькому холодно, снимай пальто!» – и зловещие тени шевелятся вокруг.

Когда малина пустовала, приходили мусора спросить о том, о сём и уходили ни с чем – мы не жаловались. Гоев мы боялись.

Наша семья и все остальные евреи должны были висеть на указательном пальце нашего соседа, который он показал маме вытянутым вперёд, в виде перекладки, когда фюрер приближался к Москве, но фюрер не дошёл.

Два старых еврея с нашего двора, муж и жена, были особенно добры ко мне – маленькому: давали конфетку, ласково называли, а в глазах у них стояли слёзы. Дома слышал, что их сын давно сидит: дело было мокрое, он взял всё на себя, хоть был случайным в шайке, только подвёз на машине, на которой работал, ему врезали, а остальным скостили.

Когда он вышел, отсидев на всю катушку, я столкнулся с ним неожиданно и сразу узнал по его старикам. Он был добродушный увалень со спичкой в зубах, с постоянной улыбкой. К тому времени я пошёл в институт, и он спросил меня на равных за жизнь, как будто мы были всегда свои. Я растерялся, покраснел, что-то болтал, а он внимательно слушал, улыбался, и его глаза радостно блестели.

Он и не завязывал, но его оставили, и когда он выходил во двор, все

антисемиты двора уважительно здоровались, приподнимая кепки.

2

Еврей-вор в воровской мир гоев не входил. Ни давным-давно, когда еврей ещё не был советским человеком, ни в нэпе, ни после – вплоть до появления новочеловека – советского, но к евреям это уже не относится.

В еврейском местечке один еврей пригласил народ на своё еврейское торжество. Люди знали о нём кое-что и пошли к раву спросить, можно ли им пойти. Вызвал рав того еврея и спрашивает: «Воруешь?» – «Что делать, – расстроился еврей, – профессия.» – «А если закрыто на замок, ломаешь?» – «Приходится», – приуныл еврей. «А если находишь продукты, забираешь?» – «Забираю», – совсем сник еврей. «А если у гоя свинина попадается?» – «Продаю, – насторожился еврей, – другому гою.» – «А себе берёшь свинину?» – «Господи, упаси! – завопил еврей. – Разве можно так говорить, ребе!» Сказал рав народу, что могут пойти.

Кстати, когда большого еврея (рав – это большой, а несколько – это рабаним) называют раввином, как именовали советские суды, советские газеты, советские люди (а их не только называли, но и уничтожали, а «хорошего» советского человека не уничтожали), – в большинстве случаев это говорится уничижительно. Лучше про еврея плохо не говорить, а тем более про святого и учёного, но если у кого не получается на святом языке иврите, то можно что-нибудь старое, например, товарищ – и просто, и сердито.

Еврей в воровской мир гоев не входил, но дарил чужому ему миру (на какой-то период только!) свой язык, юмор, благородство, почтение к старикам, любовь к детям, уважение к женщине, а у гоев это не так.

Вся наша большая родня боялась гоев. С ними ничего не имели. Это передавалось и детям. Гойку нельзя брать – это мы знали. Когда старший из многочисленных моих двоюродных взял гойку, в родне был гвалт. Его путём мы не пошли, но ещё более многочисленным детям двоюродных гвалта уже не устраивали.

Наш святой Закон ничего против гоя не имеет, кроме одного: не общаться с ним, чтобы не породниться.

Не породнившийся с гоем еврей тоже исчезает, но не сразу, а в четвёртом-пятом поколении от крепковерующего прадеда-прапрадеда – хареди, ультрахареди, доса, ортодокса, чёрного, тёмного, лапсердачного, пейсатого, пархатого, датишника, отсталого, примитивного, непередового, непрогрессивного, несовременного. Может еврей исчезнуть и раньше – вольному воля, но не позже четвёртого-пятого поколения от стоявшего за веру.

Став советским, еврей исчезает в своём же поколении.

Моя обрезанная плоть – точное свидетельство, что я родился хотя бы за день до тридцать седьмого, когда были уничтожены последние рабаним и последние мастера обрезания. Мои еврейские сверстники тридцать седьмого года рождения уже были необрезанными. Моя обрезанная пиписька причинила мне

много переживаний и страданий в пионерских лагерях, общественных банях и туалетах. И виноваты в этом не родители – дети революции, а дед хареди, благословенна память о нём.

3

Все сегодняшние ещё евреи: рацники, шаломахшавники, борцы против засилья религиозных, борцы за права, борцы за права гомиков, борцы за права нацменьшинств, борцы за счастье, за справедливость, за конституцию, за мир на Ближнем Востоке и во всём мире, за демократию, за прогресс, за освобождение, за перемены, за выполнение своей исторической миссии, за гражданские права, за обновление, за еврейство с человеческим лицом, за еврейство без лица, за еврейство без еврейства, борцы против еврейства – все-все эти сегодняшние ещёевреи (попрошу не разъединять эти два слова, это последняя ниточка связи, с ней оборвётся у многих всё) – вот такие они ещёевреи – потомки харедим.

Потомков еврейства прогрессивного, или плюралистического, или реформистского, или либерального, или современного, или советского (самого передового) – их просто нет.

Если бы не эти неудобные Всевышнему фокусы, не было бы трагедии европейского еврейства.

Американских евреев сегодня было бы миллионов тридцать, как негров. Конечно, при их стопроцентной политической активности президентом там был бы их человек, то есть наш человек, а нам бы здесь был полный каюк или полная хана и без всякого мирного процесса – они бы в принудительном порядке вывезли всех нас к себе – в новый Вавилон, если бы не их поголовная ассимиляция, что таким странным образом на руку нам, что оставляет нам шанс и не оставляет им никакого шанса.

По другую сторону планеты от американских, евреев уже давным-давно нет, а есть только количество, искусственно поддерживаемое паспортным режимом и Сохнутом.

А если найдутся там несколько завалывшихся евреев, то все страны будут оспаривать право получить их для поддержания исчезающих еврейских общин, что оставляет Сохнуту возможность завозить только гоим и не оставляет нам никакого шанса. Ведь иначе надо закрыть Сохнут, всякие местные и всемирные сионистские организации, разные магбиты, министерство клиты, комиссии и подкомиссии кнессета и министерств, соответствующие отделы во всех партиях, местных советах, гистадрутах и городских управлениях, отказаться от американских гарантий, уменьшить строительство и понизить цены на жильё, то есть ударить по кабланам, сократить бюджет и темпы развития государства, – короче говоря, закрыть страну, но на это самоубийство не пойдут из-за каких-то там иммигрантов.

Все слова, услышанные во дворе, встали, много позже, на свои места. И знаменитая тюремная «параша», которая заменяла всю канализацию, оказалась ивритом – от слова «пэрэш» (выделение, помёт). И «шпана» – от слова «шафан» (кролик). И «сорванец» – от слова «сэрэв» (упрямство, отнекивание). И «мусор» (про милиционера), а точнее – «мосэр» (доносчик). И «орава» – от слова «эрэв» (смесь, сброд, сборище).

И «мудак» оказался ивритом, что в переводе – «озабоченный».

Но с мудаками особая статья. Их много, как людей. И всегда найдутся тыкающие в словарь, мол, ошибочка вышла-с. И будут толкать в грязь тюркских ругательств...

Много мудаков, все были мудаками, и все для всех были мудаками.

Все, кроме одной женщины. Как-то она должна была представить одного из секретарей правления союза композиторов в одной светской советской компании. Позвонила кому надо навести справки о нём, и знакомый голос на её вопрос ответил коротко: «А-а, мудак», – и положил трубку. Вечером, когда появился секретарь, она представила его: «Секретарь правления союза композиторов мудак такой-то», – и назвала его имя.

Очень скоро другой мудак, первый секретарь правления, уволил этого мудака, то есть перевёл на другую работу.

А женщина приземлилась в Израиле – и когда начала понимать иврит, рассмеялась.

Все-все были мудаками. А советский еврей, как и во всём, был в первых рядах, то есть законченным мудаком, то есть очень озабоченным – если переводить с русского на иврит и обратно.

Иврит прочно вошёл в советскую жизнь! Кто не пользовался блатом? – а на иврите – «болет», что в переводе – «выдаётся, выступает, отличается», то есть те же свойства блатняка.

Две криминальные структуры – государственная и воровской мир – даже не догадывались, что говорят на неплохом иврите.

Еврей-вор, который не только не ел свинину, но искал своей дочке приличную еврейскую пару, в воровской мир гоев не вошёл. Но в мир гоев вошёл советский еврей, новочеловек, не про еврея будь сказано.

В древнем Египте, где за двести десять лет размножился еврейский народ от семидесяти душ, сошедших туда, до миллионов и миллионов перед выходом, еврей не смешивался с гоем в самой передовой и развратной стране. Евреи сохраняли свои имена, язык, одежду. На египетских ветрах развевались их пейсы и цицит, и всегда было видно и слышно, что вон жидовская морда идёт (ну если не жидовская, то еврейская – это уж точно: Авраам-иври – свидетельствует Тора).

Ни о каких там смешанных браках, даже единичных, среди вышедших из Египта Тора не упоминает, кроме единственного ребёнка, рождённого еврейкой от голя-надсмотрщика, который, воспользовавшись египетской темнотой, вошёл к еврейской женщине, когда её муж вышел на принудительную работу ещё затемно. Тора называет имена этой еврейки и её сына от голя, потому что причинили они страшное несчастье всему народу в пустыне.

А ответственный за выход евреев из Египта великий пророк, подобного которому не было и не будет, Моше плакал вместе со всем народом у входа в Храм Всевышнего.

Через тысячу лет после этого позорного случая возвращались евреи из вавилонского галута и были среди них сто тринадцать евреев с гойками. Талмуд называет имена всех ста тринадцати евреев, они отправили этих женщин и рождённых ими обратно, чем отвратили гнев Всевышнего.

А ответственный за возвращение великий Эзра молился, и исповедовался, и плакал, и простирался перед Храмом Всевышнего, и народ плакал плачем великим.

А ещё через две с половиной тысячи лет после этого позорного случая ответственные за завоз мудаки из Сохнута...

Тут мне хочется успокоить уважаемого читателя, что мудаки – это озабоченный, то есть можно сказать: озабоченные из Сохнута – это, конечно, ниже рангом, чем пророк Моше и великий Эзра, но тоже кое-что.

И если мне удалось успокоить уважаемого читателя, то продолжу с последних слов про мудаков из Сохнута...

А если не удалось успокоить, то что? – там все могут быть мудаками, а тут – не те же люди?

Первыми прибывшими к еврейскому двору были меньше-большевики, не нашедшие себе места в русской революции. К ним присоединились больше-меньшевики, выброшенные русской революцией. И совсем быстро появились большевики, успевшие унести ноги от русской революции. И стал еврейский двор советским...

Но продолжу с последних слов про мудаков из Сохнута, которые под мудрым руководством ума, чести и совести эпохи – партии мудаков...

Тут мне снова хочется успокоить уважаемого читателя... Но не такой уж он и мудаки! Поэтому продолжу с последних слов про партию мудаков, которая широко представлена в кнессете мудаков...

Мы говорим партия – подразумеваем кнессет.

Мы говорим кнессет – подразумеваем партия.

И хоть не такой уж он и мудаки, но всё же хочется успокоить уважаемого читателя, что мудаки – это озабоченный, а мудаки в кнессете – это озабоченный народный избранник и неозабоченному там не место. А озабоченный народный избранник, на место которого претендуют тысячи, – это мудаки из мудаков...

Поэтому продолжу с последних слов про кнессет мудаков – завезут скоро «нашего миллионного».

И без плача, подобного плачу пророка Моше вместе с народом или плачу великого Эзры вместе с народом. Может быть потому, что, наверное, легче

плакать над одним и над ста тринадцатью легче плакать, но когда ожидается «наш миллионный» – над миллионом не плачут.

Или: плачут евреи по еврею, а по гою не плачут.

6

Власть и народ – неделимы, и я – ваш покорный мудак.

...Наверное, уже пару часов мы стояли под морозящим, холодным дождём. Десятка полтора – вся демонстрация. Все в дублонах – лучшая одежда для такой погоды. Я, в курточке, был мокрый и замёрз. Замёрзли руки, ноги, губы, мозги, и только одна мысль не замерзала: когда конец?

Иногда мы что-то кричали, кто-то давал интервью по-английски, демонстрацией явно интересовались.

По мокрой холодной спине вдруг скатилась струйка. Она не холодила. Я не шевелился. Скатилась ещё струйка. Потом ещё и ещё, струйки уже не различались. Вода текла по телу. Курточки как не было. Руки висели, ноги стояли колами, тело не гнулось.

В двух шагах была машина с лавками вдоль стен, пустая, никто в ней не прятался. Открыл дверь и на несгибаемых поднялся внутрь, сел на лавку, стараясь не дотронуться до одежды телом.

- Когда? – подумал.

Дверь открылась, в ней стоял будущий член кнессета.

- Как тебе не стыдно, – пожурил он, улыбаясь, – нас мало, идём.

Содрогаясь, я вышел. Мы стояли на открытом бугре, со всех сторон дуло и лило.

- Когда? – думал равнодушно.

- Кончили, – деловито сказал будущий.

Я не радовался. В машине с лавками доехал до автобуса. В автобусе было, как в банке из-под солёных огурцов.

Темнело. За окнами домов зажигали теплые и уютные свечи.

- Праздник? – спросил себя. – Какой? Что я о нём знаю? – ругал себя.

В такой холод слёзы наружу не хотели выходить. Их накопилось много...

В свой первый дом в стране в глубокой провинциальной глуши, в нескольких километрах от шоссе Тель-Авив – Хайфа, добирался на перекладных, было поздно, темно, дождливо. Подобрала меня молодая пара, с меня текло на заднее сиденье их машины, а я показывал, как доехать до моего полусырого полуподвала. Было поздно, и они уехали, но через несколько дней приехали навестить, радостные, с мешком мандаринов. Жена подавала кофе, а я показывал фотографии, на которых было видно и меня, рассказывал, какая это будет алия, особенная, такая особенная, ну... слов явно не хватало...

Мы ещё долго ели бесплатные мандарины, но добрые незнакомцы больше не навещали.

Свеженькие мудаки из последних предыдущего «нашего миллиона» или из первых этого «нашего миллиона», мы стоим возле сельского домика Эрец Исраэль, центра нашей абсорбции, и смотрим на пустынную дорогу Эрец Исраэль, которая тихо и неторопливо уходит в цветистое поле Эрец Исраэль, медленно поднимается на холм Эрец Исраэль и раздвигает лесок Эрец Исраэль на его склоне, плавно переваливает через холм и исчезает в голубом небе Эрец Исраэль.

По дороге возле нас идёт арабка, живот и грудь вперёд, баул на голове, а за ней выводок карапузиков, сосущих пальцы и сопли. Растроганные до слёз, мы умильно переглядываемся между собой.

По прошествии двадцати лет эти симпатюшки-карапузики стали ударной силой вражеской армии, по всем правилам военного искусства размещённой внутри нас: рассредоточены, рассеяны, вкраплены, организованы, вооружены товарищами калашниковыми и молотовыми, замаскированы профессионально-военной улыбкой, знают каждую щель на местности, каждый дом, каждый угол, за которым мы поворачиваемся спиной.

Это про них в Торе написано: «И будет он дикарём, рука его (будет занесена) на всех, а руки всех – на него». (Брейшит, 16:12)

Что прокомментировал великий Раши: «Разбойник, все его ненавидят и дерутся с ним».

В Торе нет лишнего слова, все слова и буквы сосчитаны, а если одна лишь буква отсутствует – бракуется.

Ясно сказано: разбойник.

В. Даль оставил мне, ничтожному еврею, возможность внести вклад в великую русскую культуру – вписать мою строку меж двух его строк. Одна его строка: «Разбой, разбойный ипр. см. разбивать»; другая его строка: «Разболокать, разболокти или разболочь стар.» И тут между ними моя строка на веки вечные: «Разбойник, убийца, бандит, грабитель, зверь, насильник, садист, вор, извращенец, лжец, хитрец, предатель и т. д.»

И про всех сказано: про нарождающихся новых симпатюшек-карапузиков, про стариков, про женщин, про членов кнессета, про студентов, про судей, про деловых людей, про людей искусства, про рабочих, про участников мирных переговоров, про интеллектуалов, про короля, который ещё по ту сторону реки.

Мне этот король-разбойник особенно симпатичен – голубых кровей; принят в лучших домах Лондона; с королевской улыбкой, он входил в деревушку, где швырнули камушек, и сравнивал её с землёй – больше не бросали; с королевской улыбкой он втыкал в нас нож – только в спину; с королевской улыбкой открыл границу ракетам другого разбойника; с королевской улыбкой протянул кровавую ручку мира.

Мой славный царь Давид устроил бы этому королю-разбойнику, как минимум, одну войну-возмездие: огнём и мечом прошёл бы вдоль и поперёк той земли, которая восстала на Святую Землю. И разбойники садат и асад получили бы войну-возмездие, чтобы не напали на святой народ в Йом

Кипур. И у разбойника садама стёр бы тридцать девять городов по числу ракет, упавших на Святую Землю. Но моего любимого царя давно нет, и я плачу, ожидая его, и новый из его дома ещё не пришёл.

А с мудаков – какой спрос?

Только страх перед возмездием привёл разбойника садата в Иерусалим. Только страх перед возмездием тянет кровавую ручку короля-разбойника. Только от страха перед возмездием тихонько сидит разбойник асад. Только от страха перед возмездием мухлюет карты разбойник садам.

Они лучше знают Всевышнего и его возмездия, – лучше знают, чем мудаки.

И на все времена сказано, которые были, есть и будут даже после мирного процесса.

8

Началось это давно, ещё в том самом Египте, из которого надо было выходить.

А они, мудаки, лезли в первые ряды египетских театров и цирков, вызывая ненависть и зависть достойных египтян. Нашлись потом в пустыне и такие, которые оправдывались, мол, Тора ещё не было, мол, не знали, что не надо лезть к гоям.

Потом уже была Тора, но у себя дома и в галуте они говорили, что Тора устарела (хас вэ-халила!). И снова лезли к гоям обримериться, обгречиться, обыспаниться, обгерманиться, обсоветиться.

Лезли с мировыми идеями, предпоследней из которых был мировой (на первом этапе – европейский, а в самом начале – в отдельно взятой и отсталой) коммунизм, а последней – снова мировой (на первом этапе – ближневосточный, а в самом начале – в отдельно взятой и снова отсталой) мирный процесс – миризм.

Как коммунизм, так и миризм – призраки. Призрак бродит по мизрах атихон – призрак миризма.

Как коммунизм, так и миризм – светлое будущее всего человечества.

Как узнать: сегодняшнее пророчество о светлом будущем – это пророчество или лжепророчество? Это надо знать, чтобы лжепророка (или лжепророков) убить, как требует Тора, или немедленно послушаться, иначе это грех – не слушаться пророка.

Великий Рамбам отмечает признаки пророков. Если сто предсказаний сбылись и только на сто первый раз не сбылось – это лжепророк, смерть ему. То есть из сегодняшних людей – а известны все сегодняшние мудаки, пророчествующие о светлом будущем, – смерть им, даже без всякой связи с провалом предыдущего пророчества о светлом будущем.

Но не сразу. Его должны вызвать в Санадрин, подробно опросить, может быть, ему это только кажется, предложить от этого отказаться, и только после этого – смерть. Кстати, Санадрин, если вынес лишь один смертный приговор за семьдесят лет, – назывался кровавым.

Великий Рамбам жил в страшные времена: смерть носилась за евреями и за ним тоже. В ту смуту появился лжепророк. Властелин той земли не был лишен мудрости, вызвал того еврея, спросил, как тот может доказать, что он пророк. Ответил тот: «Отруби голову, я восстановлюсь». Голову отрубили. Рамбам пишет, что находятся люди, которые всё ещё ждут.

Как коммунизма, так и миризма ждет всё передовое человечество. Сразу чувствуется, что опять евреи – самая передовая его часть.

Как коммунизм, так и миризм нужен, в основном, евреям (не всем, конечно; тем, которые за Всевышнего, он не нужен).

Поэтому «Бей жидов и коммунистов!» – требование народов-разбойников, которым не нужен был коммунизм.

Поэтому «Бей жидов и миристов!» – требование народов-разбойников, которым не нужен мир и которые будут бить евреев не за то, что они миристы, а потому что – жида, и миристам тоже достанется, а одному (не одному, конечно) уже досталось – садату.

9

Как идеи коммунизма, так и идеи миризма осуществляют партократы.

Они не корпят над мудрыми книгами по восемнадцать часов и ещё шесть часов в полудреме, потому что сами они – мудрые, партия – родная, массы – дисциплинированные, толпы – радостные, общественность – согласная, съезды – поворотные, заседания – ответственные, отчёты – секретные, доклады – освещающие, пресс-конференции – важные, речи – пламенные, выступления – основополагающие, высказывания – исторические, парламенты – европейские, конгрессы – американские, делегации – дружеские, рукопожатия – мирные, гимны – торжественные, аплодисменты – переходящие в овацию.

Их доказательства: я надеюсь; я очень надеюсь; я так думаю; я верю; я очень верю; нет сомнения; нет никакого сомнения; не может быть иначе; так должно быть; я не вижу другой дороги; а если не так, как может быть иначе?

Как перед коммунизмом, так и перед миризмом основоположники научно объявляют: «Мир изменился!»...

По суетным своим делам, я пробрался через будку в одно здание, которое без будки не бывает, и не зная, куда дальше идти, одиноко стоял у лестницы. А по ней медленно и величественно спускался будущий основоположник миризма. Около него двое: молодые, один впереди, другой сзади, в белых оттопыренных рубашках навывпуск. Будущий основоположник шёл, задрав подбородок, и только глаза смотрели вниз на меня; красивые приспущенные веки, как театральные занавесы, прикрывали глаза, пресыщенные всем, кроме славы. Веконосек куда-то прошествовал с одной рубашкой, а другая маячила передо мной, поигрывая в пистолетик, вынутый из-под рубашки. Не сказав: «Ну и мудаки», – пошёл к выходу...

Мы сидим с Учителем под нашим деревом. Он отрывает глаза от Книги, поднимает их к небу, за кроной дерева неба не видно.

«Мы в райском саду, – улыбается он мне. – Дерево у нас есть, вода есть, птички щебечут, тишина, покой – что ещё надо? А там – переживания, что кто-то подставил ножку, кто-то обидел. А мы в раю».

Он смотрит мне в глаза, до самого нутра моего, ставшего его вотчиной, его слова наводят порядок в моём неустроенном доме, и мои глаза полны благодарности.

Учитель склоняется к Книге, перерыв окончен: нельзя терять времени ни мне, который почти всё время растерял до встречи с Учителем, ни ему, которому ещё многих учить...

Закутавшись в талит и наложив тфилин, стоял я между сановниками, вельможами и царями у лестницы к трону, на котором восседал еврей, у которого тысяча лошадей, тысяча жён, вокруг его дворца воздушные сады, его подданные живут в мире, и никто не посягает на них, он знает семьдесят языков, понимает голоса птиц и зверей, его мудрости нет границ.

И сказал он: «Видел я все дела, что делаются под солнцем, и вот всё суета и погоня за ветром».

Если бы это сказал нищий, можно было бы не поверить.

То есть пар седьмой кастрюли, как объясняет мидраш: первая стоит на огне, а седьмая – в воде шестой, и вот все наши суетные дела – пар седьмой кастрюли.

И ещё сказал: «Нет ничего нового под солнцем».

И я заплакал от этой открывшейся мне мудрости...

Один великий рав перед смертью сказал своим ученикам: всю жизнь учился, а всего лишь как будто сделал несколько глотков из моря-океана.

10

Как при коммунизме, так и при миризме законность – социалистическая. То есть беззаконие. Но не больше, чем требуется для поддержания «законности». И если потребуются лагеря, то только в рамках законности.

Как при коммунизме, так и при миризме власть – советская. От слова советы – вся власть которым! То есть безответственность, бесхозяйственность, бестолковщина и неразбериха. А по-простому, по-домашнему, – бардак.

...Больше года был я в стране, без постоянной квартиры (в те времена выдавались дешёвые съёмные квартиры), и один из олимовской братии посоветовал мне, цинично улыбаясь, написать что-нибудь патриотическое для получения квартиры.

Через несколько лет увидел его по телевизору, он поднимал тяжеленное партийное знамя на сцене огромного зала, где происходил съезд партии. Для его-то лет выполнить толчок с приседанием...

И теперь, когда читаю что-то розово-патриотическое, невольно улыбаюсь: может, ещё не закончилась абсорбция автора, потому что вся абсорбция, а для многих и вся последующая жизнь, – в руках советских чиновников.

Слово – легенде. О каждом времени – своя легенда:

«...и было это в дни, когда управляли Эрец Исраэль советские чиновники, и было их много, тьма, на каждого еврея – по советскому чиновнику, сидели они в советских учреждениях и управляли землепашцами, ремесленниками, недорослями и всем, что только было, по-советски заботились только о креслах, в креслах были привилегии – на ремёсла, на стройки, на куплю, на продажу, на снабжение, на землю, на воду, на воздух, которые они раздавали не бесплатно только советским, поэтому несоветское не процветало, каждый еврей зависел от советских чиновников, ничего нельзя было сделать без них, – только по блату, по знакомству, по протекции, только с денежной взяткой, или половой, или всякой другой взяткой, и плохо они смотрели на еврея, так плохо, что под их взглядами забывал еврей ахават исраэль, остались в одной пещере несколько цадиков, которые сохранили ахават исраэль, и стонали евреи очень, кто мог – бежал, и кто больше не мог – тоже бежал, но советские чиновники привозили из-за моря новеньких с их вечной светлой общечеловеческой мечтой жить за океаном и делали из них черпальщиков воды, рубщиков дерева, уборщиков, сторожей, массажисток, развлекались советские чиновники с новенькими, бросали в них телефоны, дверью прищемляли руки, надевали наручники, волочили по земле – всех забав не перечесать, и так как в Эрец Исраэль уже давно забыли ахават исраэль, то и все евреи смотрели на новеньких нехорошо, любили новеньких только владельцы второй, третьей и четвертой квартир и всякие посредники и жулики, а у советских чиновников были помощники – советский президент, советское правительство, советский парламент, советские партии, советская цензура, советский суд, советская полиция, советская охранка, советские профсоюзы, советские местные власти, советские газеты, радио, телевидение, советские организации новеньких, с их помощью советские сидели прочно...»

11

Как коммунизм, так и миризм и всякий прочий изм чужды еврейскому Закону.

Когда еврей живёт не по еврейскому Закону, из этого ничего хорошего не получается. А получается, к примеру, киббуц, который никогда не был у евреев, а только у отколовшихся от еврейства во времена Второго Храма. Идея киббуца чужда еврейству, но историческая необходимость его доказывается так же просто, как колхоза, «который помог выстоять в схватке с врагом».

Когда еврей живёт не по-еврейскому Закону, он доказывает каждый раз что-то новое и каждый раз на свою шею. В измы заглядывает, но не в свою Книгу:

«А в седьмой год суббота покоя будет для земли, суббота Б-гу: поля ТВОЕГО не засевай, и виноградника ТВОЕГО не обрезай... И будет суббота земли вам в пищу, ТЕБЕ и рабу ТВОЕМУ, и рабыне ТВОЕЙ, и наёмнику ТВОЕМУ... и скоту ТВОЕМУ...» (Ваикра, 25:4,6–7).

И ни слова про киббуц.

Мы счастливое поколение, которое на своём веку видит крушение

коммунизма. Очередное? Ведь коммунизм в последний раз был в одиннадцатом веке в восточном государстве и повалился, когда дошли до обобществления жён. Кстати, евреи и повалили – были против обобществления жён, вот такой наш еврейский Закон. И ещё, кстати, повалили бы сегодняшние евреи несостоявшийся сегодняшний коммунизм, если бы дело дошло до обобществления сегодняшних жён? Наверное, нет.

Когда еврей живёт не по еврейскому Закону, то получают из этого ещё и революции, которые еврея уничтожают. Не только физически, но и духовно, – тех, кто выжил от революции. Как духовно уничтоженное старосоветское еврейство с его духовным достижением – списками. Или как духовно уничтоженное среднесоветское еврейство с его духовным достижением – русскими списками. Или как духовно уничтоженное новосоветское еврейство с его духовным достижением – русскими партиями.

Более серьёзные достижения в области духовного проявятся у новоприбывших через пару поколений.

Если вообще проявятся.

Потому что совращённый коммунизмом легко досовращается демократизмом: что это за Закон, если есть несправедливость – хозяева и рабы? что это за Закон, если есть неравенство – коэн, леви, истраэли, гер, мамзер?

У евреев никогда не было тюрем – бессмысленно и жестоко такое заведение, в котором не работают и обучаются худшему. Суд продавал вора в рабство, самое большее, на шесть лет. На вырученное от продажи покрывались убытки от воровства. Многие, обеднев или кому было трудно, сами продавались в рабство, чтобы пережить трудности и прокормиться. Купивший раба покупал себе хозяина: содержал и кормил всю его семью, а работал только один; если в доме была одна подушка пуховая и остальные соломенные, то пуховую отдавал рабу; если на столе был один кусок белого хлеба и остальной хлеб тёмный, то белый отдавал рабу; если был один стакан старого вина и остальное вино молодое, то старое вино пил раб; если шёл в баню, раб не нёс за ним сменное бельё – это считалось унижительным; если выходил из дома, не мог сказать рабу: работай до моего возвращения, – это считалось жестоким; если переехал жить в город, не мог оставить раба в деревне.

Тора (Закон):

«...А над братьями вашими, сынами Истраэля, никто да не властвует над братом своим с жестокостью.» (Ваикра, 25:46.)

Тора называет раба братом. А разве сегодня не было бы желающих продаться в рабство по Торе, чтобы пережить трудности в справедливейшей несправедливости? Всеобщей справедливости не бывает.

И неравенство: коэн, леви, истраэли, гер, мамзер – справедливейшее из неравенств. Всеобщего равенства не бывает. Чтобы не приходило в голову еврею: «Мы наш, мы новый мир построим. Кто был никем...»

Ни в пустыне. Ни в стране. Ни в галуте. И всё-таки пришло в голову еврею сразу после получения Торы. В пустыне.

Тогда и поднялись в первый раз первые большевики – Корах и двести пятьдесят сообщников против Моше, а значит, против Торы на борьбу за

равенство для всех, а на деле, за неравенство для некоторых. Всех их с семьями и малютками поглотила земля.

В который раз поднялись евреи-большевики против Торы в не так далёком семнадцатом?! На борьбу за равенство для всех, а на деле, за неравенство для некоторых. Тора запрещает подниматься в галуте на революцию и требует молиться за существующую власть. Скольких с семьями и малютками поглотила земля – не счесть.

Скольких ещё поглотит земля за борьбу новых большевиков, поднимающихся против Торы?...

12

Как при коммунизме, так и при миризме цветёт, расцветает и процветает демократия. Про коммунизм известно. А про миризм? Шестьдесят один мудака из мудаков, в том числе и разбойники, против пятидесяти девяти мудаков из мудаков, без разбойников.

Демократия – изобретение гоим. У евреев никогда не было демократии. Был Моше, назначенный Всевышним. По указанию же Всевышнего Моше назначил своим преемником Йеошуа. (Своих двух сыновей Моше ни на какие посты не назначил.) После Йеошуа были судьи. После судей были цари. После царей был галут, который и сейчас продолжается. И на последнем этапе галута – демократия, и в своём доме, и в чужом доме – закон гоим, чужой для еврея закон.

Фюрер, дуче, товарищ сталин вполне демократически пришли и оставались у власти. Такая вот она – нееврейская демократия у неевреев.

А у нас, евреев, президент Санедрина, мудрый старец, отдал президентство другому, совсем безбородому, но который был, по его мнению, более знающим в Законе, отдал совсем недемократически – просто отдал, вот такой наш еврейский Закон.

Поэтому придётся подождать, когда чуждая еврейству демократия повалится у нас и только у нас, а не во всём мире, потому что это не наше изобретение и не для нас. А это очень по-еврейски не возжелать ничего чужого и довольствоваться тем, что есть. (Ничего себе – обладать таким Законом и не довольствоваться?! До чего дошёл бедный, проклятый, опустошённый, несчастный, безродный, ничтожный еврей!)

Создатели демократического (?) еврейского (?) государства углубили, расширили, обновили, освежили демократию, изобретя списки – еврейский вклад в демократию, чтобы еврейско-демократическим путем всегда оставаться у власти.

Как коммунизм и миризм доказываются просто и понятно, что это – светлое будущее, так и демократия доказывается просто и понятно: де-мо-кра-тия! де-мо-кра-тия!

А она – эта их демократия – вот такая: саксофонист обыгрывает демократически несаксофониста. А если взять пример из нашей жизни, то

высокий и вещающий – обыгрывает демократически маленького, нешумливого.

Политиканство – один из атрибутов демократии. Кто-то пашет, а кто-то ремесленничает, а кто-то политиканствует от лица тех же пахарей и ремесленников. Политиканствуют от левых и правых сил, от центра. Политиканствуют от зелёных, от гомиков. Политиканствуют от новоприбывших. Политиканствуют от чужих. Политиканствуют от мало-мальски реальной силы. Не еврейское дело – политиканствовать.

Партия – один из атрибутов политиканства. На иврите партия – мифлага, в корне этого слова – разделение. Самый точный из всех языков точно обозначает, что партии разделяют, отделяют еврея от еврея. Поэтому не еврейское дело – заниматься партиями, не еврейское дело – делить евреев на партии.

13

Как при строительстве коммунизма, так и при строительстве миризма есть внутренний враг: там – крестьяне, здесь – поселенцы; там – реакционные силы, здесь – правые; там – одурманенные религией, здесь – верующие; там – сионисты, здесь – сионисты; там – евреи, здесь – евреи.

Как ради коммунизма, так и ради миризма надо поддерживать другие народы, страны, континенты: народы – палестинский, а если таковой не существует, то будет; страны – всё ещё более отсталые; континенты – все пять, которые на Земле.

Как при коммунизме, так и при миризме не обходится без запугивания: там – капитализмом, здесь – войной.

Как при коммунизме, так и при миризме не размениваются на мелочи жизни: бездомные, безработные, бесперспективные, беззащитные, безысходные, безрадостные, безутешные.

Как при строительстве коммунизма, так и при строительстве миризма требуются жертвы вначале. Потом – тоже.

Как коммунизм начал с притеснения всего еврейского и довёл до полного его уничтожения (смотри на олим семидесятых-девяностых, на меня тоже смотри, да на всех смотри), так и миризм начал с притеснения еврейского (на всех смотри и на кнессет смотри – увидишь в нём и себя).

Как при коммунизме, так и при миризме обещают скорое процветание. Уже сегодня надо запастись солью и мылом. И водой.

Как при коммунизме, так и при миризме, когда всё уже валится, продолжается постоянная борьба за мир.

Советский человек и там и тут – в первых рядах этой борьбы. Про там – известно, а про тут? Корабль мира сдвинулся с места, и сдвинули его голоса советских людей вместе с друзьями-коммунистами, вместе с друзьями-арабами: русский с арабом – братья навек, крепнет единство народов и рас.

А правившая оппозиция «не давала солнцу взойти», как сказал

основоположник миризма.

Как при коммунизме, так и при миризме над основоположниками смеются только через годы.

И сторонники мира выбросили оппозицию в оппозицию, то есть на свалку истории, – там её место вместе со всякими реакционерами, правыми, поселенцами, националистами, экстремистами, расистами, религиозными, консерваторами, фанатиками – а корабль мира плывет!

Пусть себе злобно визжат и лают, жалко поджав хвост, на который наступил миролюбивый советский человек, проголосовав за: за новую жизнь вместо шароновских караванов, за мир вместо войны, за местные советы – близкие трудящимся, за профсоюзы – школу миризма, за партию – родную, за транспорт – в субботу, за браки – без раввинов, за свинину – от пуза, за кладбище – братскую могилу, за достойных избранников народа вместо погрязших во взятках, казнокрадстве, расточительстве, кумовстве, вранье, обмане наивных иммигрантов.

А потные, счастливые избранники прыгали, по-бабьи обнимались, стучаясь животами и утирая слёзы радости: как подфартило с «нашим миллионом»; этим мудакам в оппозиции всегда казалось, что «наш миллион» это их миллион, но это наш – кровушка от кровушки – лучшая и передовая часть советского народа; побольше бы таких, с их помощью самым демократическим способом преобразуем страну, погрязшую в религии; да их завозить вагонами и маленькими тележками, приглашать, ловить, хватать, тащить, уговаривать, обещать, обнимать, ласкать, целовать, возить, показывать, кормить, дарить, давать, платить, лелеять до границы самой.

Давно они так не унижали эту ничтожную оппозицию, у которой в этой стране ничего нет, кроме нескольких десятков кресел в оппозиции. И которых терпят-то лишь ради демократии.

А у них всё: кибуцы и мошавы, заводы и концерны, автобусы и пароходы, банки и больничные кассы, искусство и культура, профессура и интеллектула, государственные служащие и служащие государственных предприятий, университеты, пресса, радио, телевидение, Сохнут, органы всякие – внутренние, внешние.

14

Была война. К середине следующего дня, по началу войны, нас, новеньких мудаков из центра абсорбции, и всяких оставшихся в дневное время в соседних домах вдруг загнали в какой-то каменный сарай, который был одновременно иммигрантским клубом со сломанным телевизором и бомбоубежищем вообще без чего-нибудь.

Самые любопытные из сабр стояли в двери, которая всё время была приоткрыта, но через порог переступить не разрешалось, и было видно, как перед сараем вышагивает вперёд-взад хозяин единственного местного продовольственного магазина в английском колониальном шлеме и с

английской колониальной берданкой за спиной – это он следил за порогом. Иногда в небе гудело, и самые смелые гурьбой выбегали посмотреть, а охранник, сам насмотревшись, загонял обратно.

Через пару часов всем это надоело и пошли по домам. А охранник вернулся в свой магазин, в котором продавалось всё: хлеб, молоко, мясо, овощи. Местный торговый центр дополняла покосившаяся деревянная хибара неприличного вида, поэтому стояла она в стороне на пустыре, в ней продавались овощи, тоже не особенно приличного вида, но дешевле, чем в магазине, что нас очень устраивало.

Копаясь и выбирая что-нибудь поприличнее, мы слушали сетования владельца хибары на несправедливость: «Вон тот, – он показывал на магазин, – он – авода, а я – херут». Эмигранты, чтобы поддержать выгодную торговлю, зло смотрели через дверь хибары на магазин гидры-аводы, а она, эта гидра, выходила из магазина, чтобы взглядом устыдить тех, кто продался херуту. И в это счастливое мгновение представительница неизвестно какого народа, не шелохнувшись и глядя только в спину гидре-аводе, быстро закидывала один-другой помидор в глубокую сумку, потому что гидра через спину смотрел и за ней.

15

Всё у них, и без всяких райкомов, горкомов, обкомов: на каждом месте свой мудака, и каждый мудака на своём месте знает, что требуется, – не хуже главных мудаков знает.

Как славно они врезали оппозиции, когда та чуть выбралась из оппозиционных кресел, – забастовала вся страна – от края и до края.

И с первых мгновений дни той оппозиции были сочтены. Новой больше не будет. Не позволит рядовой советский человек, то есть мудака, который выбирает не между двух зол, а между злом и светлым будущим, а светлое будущее у него не отнять никакой силой. И если потребуется, то завезут ещё «миллион наших», чтоб знали наших, которых ни бездомностью, ни безработностью не проймёшь, и даже слонов не потребуется раздавать перед новой каденцией.

Вся страна, сплочённая и в едином порыве, идёт к своему светлому будущему – миризму под знаменем мира: мир голодным, мир бездомным, мир беззащитным принесут и без какой-то эмигрантской партии мудаков. Ещё надо будет хорошо попроситься, чтобы пристегнули к упряжке вместе с коммунистами, арабами, гомиками – цветом нации, должной заменить евреев. Не сидеть же в оппозиции при неопозиционном избирателе!

У меня серьёзные подозрения, что всё, что пишется о русской партии, содрано у меня, но, сейчас, через двадцать лет трудно что-либо доказать – не сохранилось ни листочка, написанного на пенёчке (тогда мы тоже делали шашлыки), или под светом зелёной настольной лампы (жена спала и просила не мешать, так я накрывал зеленой бумагой, чтобы мне было видно и ей не

мешало), – не сохранилось у меня, но, может быть, кто-то нашёл старые газеты, письма единомышленникам, ответы противникам, программы, тезисы, воззвания, листовки, приглашения...

Когда я увидел, с кем меня будут расстреливать (а первое ЦК должно быть расстреляно, рано или поздно, и демократия не гарантия), мне расхотелось.

Но всё-таки удивительно примитивно пишется о партии, как у меня тогда, если говорить откровенно, но виноваты канцеляризм – не допускают живого слова.

16

Как коммунизм, так и миризм порождает новочеловека – советского, то есть мудака. А если уже советский – дважды советского, то есть дважды мудака: это когда открывается новая дыхалка или чаще всё-таки старая никогда не закрывается.

Как дважды мудак Мудаков. Который прямо с трапа, без перекура, призывал снова откликнуться на веление эпохи, хотя ещё не было объявлено о новой эпохе миризма, его изучение ещё не было включено в школьные программы, не было миристического манифеста, и классики миризма ещё только мечтали о нобелевке, юнеске, сикстинке, и всё-то только было в полунамёках будущего главного мудака, в его полувещаниях, полутонах, полусловах, полуобещаниях, полуправдах, полунеправдах, в полусвете, в полуповороте изящном к шестиконечной и к бело-голубому в полосочку, в полуразвороте к «широка страна моя родная».

Послушался Мудакова один (не один, конечно) свеженький мудак-мудаком – это единожды мудак, который уже отливреил (не путать с дважды мудаком, который никогда не отливреит). Вспомнил родину-мать, вспомнил родной завод имени «Тысяча девятьсот пятого года», вспомнил, что всегда откликался, побрызгался одеколоном и явился. Ему улыбались, подвели к нужному столу, вынули его паспорт, вложили в руку конверт, подвели к ширмочке и легонько втолкнули внутрь. А там он, не глядя, быстро вытащил бумажку, быстро вложил в конверт и быстро выскочил, чтобы чего не подумали. Его подвели куда надо, поднесли его руку с конвертом к щёлочке. Дома он сказал громко: «Пошёл! Вложил какую-то бумажку! Выполнил свой долг! А вы?!» – и он устроил скандал несознательным домочадцам.

Или как дважды мудак Мудакиш. «Маасэ авот – симан ле-баним» («Дела отцов – пример для детей»), как сказали наши мудрецы. Это верно как относительно дел патриархов-праотцев, так и дел непосредственных отцов, в нашем конкретном случае побежавших за коммунизмом, вместо того чтобы тихонько писать свои мудацкие книжки или портняжить, как тихонько пасли овец патриархи-праотцы. Ведь сказал же один великий рав, что эта напасть – на семьдесят лет, но мудаки не пошли к раву своего времени, как учит Тора. Миризм – новая напасть – тоже не вечен. Никто не мешает тихонько писать свои мудацкие книжки с гордо поднятой головой и не валяться в ногах главных

мудаков, повторяя ошибки непосредственных отцов. А ещё лучше, следуя голосу патриархов-праотцев, выкинуть все сто томов мудацких книжек. Ведь сказано:

«Да будет дом твой сходбищем мудрецов, лежи во прахе у ног их и пей с жадностью слова их.» (Пиркей авот).

Или как дважды мудак Муданский. Маленький, лысенький, картавенький, с кепочкой в руке, но пока не на броневишке. И тоже пошёл другим путём. В открытую создавались подпольные структуры подпольной партии. В открытую велась подпольная пропаганда в адрес подпольных партийцев с территории недружественного (враждебного?) государства. В открытую стали русскоязычные газеты подпольными пропагандистскими штабами подпольной партии. В открытую проходили подпольные съезды подпольной партии.

И цепко держась за ненормальное прошлое, – назад, к старой жизни: вперёд – навстречу съездам!

И вечером вернувшийся со съезда делегат, продрогший и промокший, протискивается в гудящую комнату, набитую пятьюдесятью подпольщиками, его рекомендовавшими, трёт руки у потрескивающей печурки, придвигается ближе к лампадке, вынимает окоченевшими руками размокшие резолюции съезда, но вдруг откладывает, счастливо улыбается и начинает свой рассказ со встречи с маленьким, лысеньким, картавеньким, с кепочкой в руке...

17

После приезда передо мной встала задача – купить крышу над головой. Задачу поставил дружно взявшийся покупать квартиры коллектив иммигрантов. Осведомился о цене квартиры, как надо, долго не отвечали, а когда цена стала в два раза больше, мне ответили, как надо.

На маленькую семью была у меня маленькая зарплата, которую получал в трудовом коллективе добровольной повинности, где начальник отдела – сабра бен сабра – выстроил в линейку трудовой коллектив иммигрантов и, прохаживаясь перед линейкой, отчитывал меня, неблагодарного, поднявшего людей не на решение сложных технических задач, стоящих перед отделом, а на борьбу за чрезмерные зарплаты. Линейка открыла мне глаза, смотревшие на меня исподлобья. И я пошёл другим путём. По точкам.

В точке сидели один-два еврея и давали беспроцентную ссуду в триста долларов, в пятьсот, а пару раз я отхватил по тысяче.

Есть в мире святые евреи, которые думают о нашей крыше над головой.

А так как я не отвалил в америку-канаду и исправно оплачивал ссуды, то в одной точке стали требовать мою подпись у бравших ссуды из моего трудового коллектива иммигрантов.

Самым коротким и честным путём деньги святых евреев достигали святой цели – крыши над головой для евреев, минуя несметные организационные структуры с сидящими в этих структурах дважды мудаками.

...И будет много дважды мудаков вести широкие массы мудак-мудаков на

прорыв к самым дорогим креслам – в кнессете.

И в день, когда «над Израилем безоблачное небо», власть будет «наша».

...Давным-давно, маленьким, в кино, когда на экране ненаши подкрадывались к нашим застать их врасплох, я вцеплялся в ручки сиденья, а потом счастливо плакал, когда в последний момент приходило спасение – летели на конях наши, в бурках, с шашками наперевес, – наши побеждали ненаших. И размазывал слёзы по лицу, чтобы их не было видно, потому что это конец, и зажгут свет.

Я рано узнал, что наши ненаших ставят к стенке.

Миллионы ненаших остались за кадром.

Для наших – все ненаши.

Когда потом у меня был выбор, всегда выбирал ненаших...

Кстати, о партии: «Скажи, кто твой мудака, и я скажу, кто ты».

Или: «Не говори, что не был мудаком там, если уже дважды мудака здесь».

Поэтому лозунг партии мудаков: «Да здравствует иммигрантская партия мудаков!» – не оставит мудакам из оппозиции никакого шанса.

18

А им бы, мудакам из оппозиции, развернуть широкую кампанию против правящих – тёмных религиозных, в головах которых не Всевышний, принятый всем цивилизованным, прогрессивным, передовым, научным, компьютерным человечеством, а реакционнейшая религия, – проповедует, что миллиарды лет тому назад случайная клетка разделилась на две, а потом эволюционным путём доросла до обезьяны, которая трудилась и стала человеком. Разве отсталый студент-йешиботник какого-нибудь зачуханного университета – рассадника невежества – спросит профессора-раввина, злобно долдонящего на затхлои кафедре: «А ты там был миллиарды лет назад?»

Государство вкладывает миллиарды из бюджета в ставшую государственной тёмную религию, в профессуру-интеллектуалу апологетов закоснелой религии, которые целый год из семи не работают – а работают ли эти паразиты вообще?!

Растят себе подобных дармоедов, фанатиков-харедим, нежатся в хоромах, построенных на деньги простых людей, которые одурманены опиумом для народа, и издеваются из своих капищ над скромными служителями Всевышнего.

Ослеплены, гниют, ничего не читают, кроме своих зловонных талмудов, бормочут, что им вещают ловцы человеческих душ – их раввины, не хотят видеть в своей ненависти простой истины, что совсем недавно, всего каких-то три тысячи триста семь лет назад, когда были хорошие средства связи, коммуникации, информации, шестьсот тысяч евреев (число только мужчин от двадцати лет и старше) стояли у горы Синай в каких-то трёхстах километрах от Иерусалима и слушали Самого Всевышнего: «Я – Б-г, Всесильный твой».

Как они, мракобесы, не понимают, что какая-то клеточка, даже очень из себя симпатичненькая, так вот просто размножилась, без всякого на то сексуального

удовольствия?! Ханжи! Первична не клетка, а сексуальное удовольствие!!! Оно создано вместе с человеком и животным миром для выполнения заповеди плодиться и размножаться.

Ведь если бы не было сексуального удовольствия, разве стал бы нормальный хареди в районе Мэа Шеарим (не путать с харедим фанатической государственной религии) выполнять заповедь плодиться и размножаться, чтобы только вымараться без всякого удовольствия?!

Ещё раз ханжи! – с кондоавтоматами для старших детских садиков.

Ханжески отрицая дарование Всевышнего – сексуальное удовольствие – и тем самым отрицая Самого Всевышнего (хас вэ-халила!) и дарованные Всевышним заповедь и удовольствие для выполнения только заповеди плодиться и размножаться, они, мракобесы, воспитывают молодое поколение на свободе секса, и сексуальное удовольствие становится целью жизни.

Сексуальное удовольствие – последний шанс мудаков из оппозиции против правящих мудаков.

19

Однажды одному еврею, который натворил много подлых дел евреям, стало жутко, и он пошёл к раву и спросил, как исправить то, что натворил. Сказал ему рав взять подушку, сделать в ней дырку и пройти несколько километров, разбрасывая перья. Сделал так еврей и вернулся к раву. Сказал рав: «А теперь пойдёшь собери».

Убийца лишает человека только этого мира, лучший мир он отнять не может.

Совратитель убивает человека и в этом мире, и лишает его лучшего мира.

Один великий рав всё время учился, писал книги, учил других, а чтобы прокормиться, держал лавку, в которой торговала, в основном, его жена солью и ещё каким-то менее значительным товаром. Покупали крестьяне из соседних деревень. Однажды рав обнаружил, что кому-то из крестьян одной деревни не додали кило соли – но кому? Сразу же запряг лошадь, нагрузил телегу солью, объехал всю ту деревню и в каждом доме оставил кило соли.

На то он и великий рав и пример для других.

И у еврея-вора всегда есть шанс: вернуть украденное, или заплатить за украденное, или сделать хорошие дела, если уже некому вернуть, или на последнем вздохе перед уходом обратиться к Всевышнему.

У совращающего других коммунизмом, миризмом, демократизмом, современизмом, новизмом через газету, радио, телевидение, кнессет, кино, книгу, партию, лекцию, задушевную беседу – такого шанса, как у вора, нет, и нет ему прощения.

20

Говорил весёлый еврей в Москве в семидесятые: все – евреи, только одни признались, а другие ещё стесняются признаться.

Но то было в начале семидесятых, и с тех пор много евреев утекло.

И куда же они утекают – эти еврейские морды? Ну не все же делают операции, меняя знаменитый еврейский нос на модную завозную кнопку. А ведь были хорошие времена, когда еврея было видно издалека.

Папа держит наши руки и тянет за собой, а мы тянемся за ним по набитой платформе метро, и вдруг какой-то весельчак, лыка не вяжет, объявляет радостно на всю платформу: а-вот-аб-ра-ша-гу-ля-ет! Папа оставляет наши руки, вцепившиеся в него с двух сторон, и чуть не сбрасывает весельчака на рельсы, только разгневанная толпа спасает: уж и погулять нельзя!

Хорошие были времена – жидовскую морду, настоящую, породистую, было видно издалека, не то что сейчас.

Если взять, для примера, товарища жириновского за одного жида, то всякий настоящий еврей был, как минимум, два жида. А их дети – ну настоящие жидинята.

Серьёзный очень вопрос: а им что, двум жидам, лучше в америках, канадах, австралиях, гвинеях, папуасиях?

Я свидетель жуткой истории, когда три жида уехал прямиком в Америку. За индейцев, что ли, выдаёт себя там? Слышал или мне так кажется, в Голливуде за индейцев в основном три жида. А куда ещё податься?

21

Так кто же он будет «наш миллионный»? По несчётному количеству организаций, объединений, центров, содружеств, сообществ, ассоциаций, форумов, общин, клубов, секций, кружков, семинаров, групп, союзов, движений, организационных структур управления абсорбцией, – можно предположить, что это будет не мудак-мудаком, который отливреил, а мудак, который метит сразу без перекура в дважды мудаки.

И кто же он будет «наш миллионный», которого встретят у трапа самолёта хлебом-солью, по новому обычаю, представители всея Израиля: капелла монахов, представители церковной общественности, представители иммигрантских партий (единственный берег в мире, выбравшись на который иммигранты могут создавать иммигрантские партии, прежде чем ответить на вопросы иммиграционных властей), представители всемирных организаций с центром в Иерусалиме – колдунов, ясновидцев, яснослышцев, магов, чародеев, шептунов, болтунов, гадателей, звездочётов, оракулов, факиров, вампиров, волшебников, шаманов, чревовещателей, академии порчи, академии сглаза, академии проклятий, академии вселения духов.

Мало вероятно, что это будет половинка, возможно – четвертинка, но реально – осьмушка, то есть шкалик, равный ста двадцати пяти граммам – всё из того же ивритского словаря блатняка, но также и из русского словаря Владимира Даля (второе издание, 1880 год). Осьмушка, у которой все-все – от

прабабки – любят спать только с гоем – какое-то жуткое половое извращение.

Еврейская женщина ещё совсем недавно, лет сто назад в Вене (не та, которую водили в венскую оперетту или в венскую оперу; в венской компашке Герцля не было еврейских женщин, как положено у сионистов), сильно отличалась от всякой гойки своей маткой, рак шейки которой был в двадцать раз реже.

Так как у необрезанных гоев рак интересного органа составляет до пяти процентов от всех раковых заболеваний необрезанных, а у обрезанного еврея вообще нет этого рака, то понятно, что только в паре с еврейским интересным органом еврейская матка может установить свои рекорды.

22

А может, «нашим миллионным» будет «наша стотысячная» мать-одиночка?

Большое это несчастье – разрушенная семья, дети без отца. Каждый такой случай – большая беда для маленького народа. Не делается так у евреев.

В еврейской семье последние три тысячи лет не без уroda – всегда были один-другой подлецы, но чтобы один-другой сделали сто тысяч матерей-одиночек? Значит, не в евреях тут дело.

А еврейская женщина ещё и в Египте, ещё до Торы, стояла выше еврейских мужчин и потом в Торе тоже получила особые похвалы от Самого Всевышнего за своё поведение в пустыне. Значит, и не в еврейках тут дело.

А если не в евреях тут дело, то это просто замечательно, потому что в армии богдана хмеля особенно зверствовали полукровки по отцу, которых рожали хохлушки, когда еврей был далеко от дома и заводил себе бабу.

Это, конечно, порождает другую опасность, но двести тысяч гоим больше, двести тысяч гоим меньше – это всё-таки лучше, чем соколы богдана.

Правда, это порождает уже совсем другую опасность, что вслед за легитимными правами несуществующего народа реальный «наш миллион» или следующий «наш миллион» потребуют легитимные права на свои святы места и половину оставшейся прибрежной полосы.

И без всякой каменной интифады диких людей, а с помощью успешно завезённого Сохнутом криминала со справками из домоуправления о проживании рядом с евреями.

Сорванцы, где вы? А-у!

23

Под напором миризма и криминала придётся отступать всё ближе к кромке воды с авоськами, полными атомных бомб – в последней надежде сесть на какое-нибудь корыто, чтобы добраться до заветного берега, где вечные насмешники наступают на пальцы, судорожно цепляющиеся за причалы: мы-же-го-во-ри-ли!

Будет ли утешением вытаскивать из очереди, давящейся на корыто, мудаков-основоположников и шлёпать?

Как коммунизм, в конце концов, погубили сами коммунисты, так и миризм уже погубили сами миристы.

И стоя по колено в воде, они дадут последний и решительный бой еврейству с применением атомного оружия, которое, по международным нормам, нельзя применять к окружающим разбойникам, но к евреям – не возбраняется, – бой, на который и целился миризм в конце-то концов, всё остальное было прелюдией. Но подмокнут атомы в авоськах, и придётся грузиться, не применив, но там, когда выберутся, там подсохнет, и тогда – попробуй попадись жидовская морда!

Как коммунизм, так и миризм обещан нынешним поколениям. Коммунизм ещё хорошо кончил. Пока, правда.

Как коммунистам, так и миристам всегда будет нетерпеться начать всё сначала – у других, мол, ошибочка вышла.

...Перед выборами в Израиле (а какое имеет значение – какими?) по радио отвечала на вопросы коммунистка, выпускница высшей партшколы в Москве, а перед выборами – ещё и правящая. На вопрос: что дал коммунизм разваленному сэсэсэр? – вопрос явно юмористический – последовал серьёзный ответ, что коммунизм дал равноправие мужчины и женщины. Не знаю, как кому, но мне в этом месте требуется пауза – про десятки миллионов уничтоженных коммунистка промолчала. И дальше тоже серьёзно отвечала, что там был неудачный эксперимент отдельной партии. Что у нас будет эксперимент более удачный, она не продолжила. Но в её тоне это явно подразумевалось и чувствовалось, что ей не терпится начать...

Почему всё-таки в маленькой европейской стране, как и в других странах, закрыли эту партию преступников, а у нас не слышал, чтобы кто-нибудь, ну хотя бы для смеха, обратился в суд с требованием закрыть их. Конечно, только для смеха. Потому что ведь не закроют, – это ясно каждому. Потому что в маленькой европейской стране – обыкновенный социализм. А у евреев – советский.

Как за строительство Вавилонской башни до неба, чтобы воевать со Всевышним, все были наказаны (не претендую на историческую достоверность, но только в качестве догадки, что там не обошлось без евреев, но что уж точно достоверно, – после наказания людей за это строительство появились обезьяны), и как за строительство коммунизма, отрицающего Всевышнего, его строители наказываются огнём, удушьем, ядом, камнем, мечом, водой, пулей, морозом, жаждой, лесоповалом, голодом, "честным признанием", долголетием (есть такое наказание, похуже пули, когда товарищ молотов просился снова в партию, а товарищ каганович показывал корреспондентам фигурки в дверную щель), а некоторые наказаны завозом сюда, – так и за строительство миризма без Всевышнего во главу угла все строители будут наказаны.

Как коммунистам, так и миристам всегда кажется, что они делают историю.

Ешиботник из Меа Шеарим (настоящий, а не из мракобесного университета) ушёл на фронт, находившийся в нескольких километрах, за Баит-веГаном. Евреи были на высотке, египетский батальон – под высоткой.

Перед началом боя на высотке были тридцать парней, которых спешно собрали и послали на последний рубеж защиты Иерусалима. За спиной был Баит-веГан, были видны дома, женщины, дети – без мужчин: все были призваны. Прославленный египетский профессиональный батальон успешно продвигался к Иерусалиму.

К десяти часам вечера египтяне начали: засыпали высотку снарядами и минами, пулемётные очереди прошивали высотку во всех направлениях. Ешиботник оказался в одной землянке полметра на полметра со Шломо Броером. Пули свистели над их головами. Первым бежал командир в первые полчаса боя, за командира стал ешиботник. В паузах между снарядами сотни глоток ревели: "Вырежем евреев! Вырежем евреев!"

В течение ночи были убиты и ранены около двадцати парней, ещё несколько – бежали.

Четыре часа утра. На высотке – ешиботник, Шломо и маленькая пушка, и к ней только шесть снарядов, поэтому ночью из неё не стреляли. Перед ними были зверем ревели египтяне. За спиной в домах – дети и женщины.

Закрыв глаза ешиботник и увидел резню, которую устроят там через пару часов, озноб охватил его.

Египтяне решили, что дорога на Иерусалим открыта, и начали продвигаться, крича: "Вырежем евреев! Вырежем евреев!" Для большей уверенности они бросали вперёд гранаты.

До египтян было несколько десятков метров. Попросил ешиботник Шлому оттянуть пружину у пушки. Оттянули. Выстрелили. Снаряд разорвался в самой гуще египтян, но кричащая масса двигалась по инерции и была уже близко. Снова выстрелили. В упор. Взрыв. Крики ужаса. Животные крики. Египтяне повернули и побежали.

Иерусалим был спасен.

Днём подошло подкрепление в сто двадцать солдат, они присоединились к остаткам отряда ешиботника и преследовали убегающий египетский батальон.

Через две недели вернулся бежавший командир. Потом какие-то мудаки сверху наградили мудака снизу, этого командира, какой-то мудацкой наградой и он рос и дорос до полковника армии обороны Израиля. А ешиботник рос и дорос до рава армии Всевышнего, хранящего Израиль в тысячелетиях.

Как из-под обломков коммунизма, так и из-под обломков миризма невозможно будет выбраться. Только Всевышний, благословенно Его Имя, поможет тем, кто успеет вернуться к Нему.

Будущая легенда пишется сегодня:

...сидели советские прочно, взрывы советским не мешали, – от взрыва ко взрыву всё выше взвивалось знамя мира, ранним утром, когда все спали, рухнуло большое здание, экспресс-опрос показал уже ко времени первого утреннего кофе, что знамя мира поднялось ещё выше, после первого утреннего кофе рухнул большой город, экспресс-опрос показал уже ко времени кофе в десять, что знамя мира безостановочно поднимается вверх, во время кофе в десять все видели телевизионное противоборство лидера лагеря мирного большинства с лидером лагеря мирного меньшинства, вынесли носилки со знаменосцем мира, его приподняли и старый большевик прохрипел "мир победит!", а старый меньшевик отпарировал "мир победит!", раздался очередной взрыв и телевидение отключилось, отключились радио, свет, вода, телефоны, экспресс-опрос показал уже ко времени дневного кофе, что знамя мира неуклонно поднимается вверх, результаты опроса разбрасывались с военных вертолётов, не было воды, не было дневного кофе, и советские пошли по домам, взрывы не утихали и знамя мира неудержимо рвалось вверх, завтра мир, завтра светлое будущее...

Рассуждал англоговорящий, что в конце концов отомрут бронтозавры-большевики сами по себе. Англоговорящему это простительно. Но мне, русскоговорящему, такая надежда непростительна. И я, как человек, не лишённый надежды, надеюсь, что однажды выйдет на улицу миллион (Б-же упаси, чтобы еврей пошёл на еврея). Миллион выйдет и помолчит серьёзно. Этим будет всё сказано.

Вообще-то самая надёжная надежда – Машиах. Но пока он медлит, хорошо бы жить в стране, где правит не советское, а ахават исраэль. Но для этого нужно, чтобы вышел миллион и помолчал. А когда он выйдет? И выйдет ли?..

Быстрее придёт Машиах.

А пока, до наказания и возвращения к Всевышнему и перед приходом Машиаха, что у нас сегодня с маткой? То есть – а как сегодня живём? А вот так и живём, как давим друг друга на дорогах, ведь она, дорога (матка?), – продолжение нашей жизни.